
УДК 811.512.141

ББК 81.632.2

И 91

Исянгулова А.Ф.

Преподаватель башкирского языка и литературы Салаватского педагогического колледжа, соискатель отдела языкознания Института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН, e-mail: Gulia.03 mail@ru

Семантика и стилистика лексико-грамматически обусловленных значений категории принадлежности в башкирском языке

(Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются семантика и стилистика лексико-грамматически обусловленных значений форм категории принадлежности в башкирском языке на примере подстилей прозы и поэзии литературно-художественного стиля. Устанавливаются средства и механизмы участия указанных форм в процессе синтаксической транспозиции. Выделяются и анализируются такие типы вторичных функций обращений, как к лицам и не к лицам, особо подчеркивается выразительность обращений-характеризаций, используемых в поэтической речи.

Ключевые слова:

Башкирский язык, категория принадлежности, лексико-грамматически обусловленное значение, стиль, подстиль, транспозиция, обращение, адресация, характеристика, выразительность,

Isyangulova A.F.

Lecturer in Bashkir Language and Literature of Salavatsky Pedagogical College, Applicant for Candidate's degree in Philology of Linguistic Department, Institute of History of Language and Literature, the Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences, e-mail: Gulia.03 mail@ru

Semantics and stylistics of lexically and grammatically substantiated meanings of the category of belonging in the Bashkir language

Abstract:

The paper discusses semantics and stylistics of lexically and grammatically caused forms of a category of belonging in the Bashkir language with the use of prose and poetry substyles of literary and art style as an example. The author shows the means and mechanisms of participation of these forms in syntactic transposition. Such types of secondary functions of addresses both to persons and not to persons are distinguished and analyzed. The author underlines expressiveness of the addressers-characterizations used in poetic speech.

Keywords:

The Bashkir language, the belonging category, lexically and grammatically caused meaning, style, substyle, a transposition, the address, addressing, characterization, expressiveness.

Термин «лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности» впервые в истории башкирского языкознания был введен в научный оборот З.Г. Ураксиным еще в 1981 году [1: 124]. Указанные значения форм принадлежности в силу особых лексически, контекстуально и ситуационно обусловленных условий перестают выполнять свою прямую, конкретную функцию и тем самым превращаются в средства эмоционально-оценочного отношения адресанта-говорящего к адресату-читателю, слушателю. Все это способствует выявлению частных значений той же категории принадлежности.

Форма первого лица единственного числа, функционируя в составе имен существительных и субстантивированных прилагательных с семантикой ласкательности, уменьшительности и близкородственных отношений, начинает выражать ласковое отношение к кому-либо [1: 124]: например, *йән-ем* «душа моя», *туған-ым* «родной мой», *һөйөклө-м* «милый мой», *бала-м* «ребенок мой», *бәгер-кәй-ем* «сердечко мое».

Итак, отсюда можно сделать следующий предварительный вывод: здесь имеет место одностороннее понимание автором З.Г. Ураксиным названной им ранее проблемы, которая сводится только к подтверждению факта ласкового обращения.

Мы полагаем, что данный процесс можно квалифицировать как результат обычной транспозиции, при которой обычно подразумевается «...переносное употребление грамматической формы в контекстуально обусловленном значении, расходящемся с ее собственным значением ...» [2: 51], что воспринимается как использование одной формы в функции другой [3: 79]. Однако наша ситуация требует более узкого подхода, что могло бы выразиться в определении конкретного типа и этапа транспозиции, применительно к категории принадлежности.

Попробуем развить эту мысль

на примере подстилей поэзии и прозы литературно-художественного стиля современного башкирского языка: например, *Әй, ы -ым, ы -ым, ы -ым, Гине генә һағынам* (Т. Йосопов. ы ым) досл. «Ой, доченька моя, доченька моя, доченька моя, Только по тебе и скучаю»; *Мин бит башланамын һинән, унан, Кешеләр-ем, һе эн башланам!* (Р.Бикбаев. Баш ортостан бында башлана) досл. «Я ведь беру начало от тебя, от него, Люди мои, беру начало от вас»; *Бәтә донъям һиңә тороп ала, Хуш, ә ерле-м, һау бул, Һөйгән-ем* (Н.Нәжми. Һау бул) досл. «Весь мой мир остается тебе, прощай, дорогая моя, до свидания, любимая моя».

Представленные нами примеры наглядно подтверждают тот факт, что форма первого лица единственного числа категории принадлежности может обладать значением ласкового отношения к кому-либо или чему-либо только при создании ей особых условий, из которых доминирующим является проявление неполной или же синтаксической транспозиции. Действительно, при синтаксической (неполной) транспозиции способна изменяться лишь синтаксическая функция исходной единицы, которой в нашем случае соответствует та же форма первого лица единственного числа той же категории принадлежности, но, как правило, без изменения ее принадлежности к части речи [4: 519].

Имеющий место в отечественной русистике тезис о том, что обращение включается в состав высказывания только из-за того, что развиваются его дополнительные, вторичные функции [5: 165], доказывается на примере башкирского языка за счет активного применения формы первого лица единственного числа категории принадлежности в роли обращения. В этом случае является логично обоснованным включение лингвистом М. З. Закиевым обращения в состав предложения на правах его самостоятельного члена, потому что оно по своим функциональным обязанностям должно выра-

жать те или иные модальные отношения [6: 137], хотя в сложившейся ситуации употребление самого термина «модальные отношения» носит несколько противоречивый характер по причине разнородного и разнопланового толкования его содержания [7: 11]. На наш взгляд, широкая семантика данного термина способна распространяться и на стилистические особенности обращения.

Таким образом, сделанный вывод в более конкретном и расширенном плане допускает такую интерпретацию: на основе функции адресации (функции контактоустановления) развивается функция характеристики; параллельно ей присутствующая первичная функция трансформируется в функцию номинации предмета речи (с целью уточнения) [5: 165].

Традиционно в отечественном языкознании выделяют обращения к лицам и не к лицам [8: 96; 5:167].

В первую группу входят обращения к друзьям, возлюбленной и другим близким людям: *ы -ым*, «доченька моя»; *кешеләр-ем* «люди мои»; *һөйгән-ем* «любимая моя»; *бөркөт-өм* «орел мой»; *мөхәббәт-ем* «любовь моя». Первые несколько обращений (*ы -ым*, *кешеләр-ем*,) представлены именами существительными в своих первичных, прямых значениях.

Обращения-существительные *һөйгән-ем* являются результатом конверсии: а) первая форма – субстантивированное имя прилагательное с семантикой признака качества предмета или же характера человека; б) вторая форма возникла от причастной формы на *-ган/-гән*, семантика которой обычно выражает лицо и предмет, характеризующиеся результатом того действия или процесса, который обозначен глагольной основой [9: 42].

Обращения-метафоры *бөркөт-өм* «орел мой», *мөхәббәт-ем* «любовь моя» в основном представлены в поэтических текстах.

Вторую группу – группу обращений не к лицам – образуют такие существительные в форме первого лица единственного числа категории принадлежности, как *Урал-ым*, *ил-ем*. Следует уточнить, что выделенные нами типы обращений, как правило, представляют собой широко распространенное явление в лирической поэзии [10: 97], что в конечном счете характерно и подстилю поэзии литературно-художественного стиля башкирского языка.

Основные виды обращений не к лицам, характерные для языка башкирской лирики, актуализируют отношение адресанта-говорящего: а) к странам и местам, которые можно рассматривать и в качестве обращений к родной стране и даже к малой родине (*Урал-ым* «Урал мой»; *ил-ем* «страна моя»); б) к реалиям общественно-политической жизни (*партия-м* «партия моя»). Естественно, сюда же можно включить и имеющиеся в контексте обращения к конкретным представителям флоры (например, *□ айын-□ ай-ым* «березонька моя»):

Обращение *ай-ым* «месяц мой», присутствующее в этой же строке, относится к тематической группе «Обращения к не лицам - к земле и небу, явлениям природы, стихиям» [11: 73].

На основе краткого анализа представленных нами двух способов выражения говорящим оценки лица можно заключить, что обращение-характеризация является своеобразной формой субъективной оценки. Лексическая основа таких обращений-характеризаций традиционно отличается своей устойчивостью. Например, *Бәтә донъям һиңә тороп кала, Хуш, ә ерле-м, һау бул, һөйгән-ем* (Н.Нәжми. Һау бул.) досл. «Весь мой мир остается тебе, прощай, дорогая моя, до свидания, любимая».

Выразительность использованных автором в поэтической речи обращений-характеризаций (*кәзерле-м, һөйгән-ем*) усиливается за счет использования аффиксов формы первого лица единствен-

ного числа категории принадлежности -м, -ем, которые своим присутствием непосредственно воздействуют на слушателя-адресата. Однако нам следует определиться и с совершенно новой функцией усиления, поскольку обращение здесь представлено именами существительными - субстантивированными прилагательными, из-за чего сложившаяся ранее ситуация кардинально меняется. Но данные наблюдения основываются только на поэтической речи, в которой обращения-субстантивированные имена прилагательные, оставаясь обращениями-характеризациями, не несут эмоционально-экспрессивной нагрузки, наоборот, отличаются своим характеризующим, признаковым значением.

Последние выводы интерпретируются следующим образом: обращения, представленные субстантивированными прилагательными, в конечном счете не столько выражают чувства к слушающему-адресату, сколько характеризуют его, выделяют различные признаки путем использования для этого одного слова или же словосочетания. В данном случае особая роль возлагается на аффиксы первого лица единственного числа категории принадлежности -м, -ым и их алломорфы, являющиеся средствами усиления тех признаков, которые имеются у слушателей-адресатов. Наши наблюдения наглядно подтверждаются примерами из поэтической речи, в которых обращения-характеризации, выражающие оценку лица, представлены существительными - субстантивированными прилагательными с семантикой близких дружеских и уважи-

тельных отношений *ә ерле-м* «дорогая моя», *һөйгән-ем* «любимая моя», *иркә-м* «ласковая моя», примененных авторами с целью полной и всесторонней характеристики слушателей-адресатов.

Проанализированная ситуация способна иметь продолжение и на синтаксическом уровне. Например, первое предложение «*Бәтә донъям һиңә тороп ала, Хуш, ә ерле-м, һау бул, һөйгән-ем*» (Н.Нәжми. *Һау бул.*) является бессоюзным сложносочиненным предложением, состоящим из трех предикативных частей и характеризующимся семантикой выражения одновременности действий, явлений и событий [12: 208]. Первая часть «*Бәтә донъям һиңә тороп ала*» является простой, двусоставной, распространенной, полной, тогда как вторая «*Хуш, ә ерле-м*» и третья «*һау бул, һөйгән-ем*» - простые, односоставные, определенно-личные, нераспространенные, полные, но осложненные обращениями предложения. Присутствующие во второй и третьей частях обращения-характеризации усиливают выражение оценки лица.

Сделанные нами наблюдения еще раз свидетельствуют о том, что лексико-грамматически обусловленные значения форм принадлежности в башкирском языке обладают широким семантическим и стилистическим потенциалом, хотя круг наших изысканий был ограничен только подстилями прозы и поэзии литературно-художественного стиля. В ближайшей перспективе возможно продолжение подобных исследований и на примере других функциональных стилей башкирского языка.

Примечания:

1. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 495с.
2. Бондарко А.В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 180-201.
3. Антимирова В.В. Семантическая полиаспектность лингвистического термина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искус-

ствоведение. 2009. Вып. 3. С. 79-83.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Прияткина А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. шк., 1990. 176 с.
6. Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. 3. Синтаксис. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 448 с.
7. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: на материале башкирского языка. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 123 с.
8. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
9. Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 112 с.
10. Ковтунова И.И. Порядок слов в стихе и прозе // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 43-64.
11. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 88 с.
12. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.

References:

1. Grammar of the modern Bashkir literary language. M.: Nauka, 1981. 495 pp.
2. Bondarko A.V. Categorical and non-categorical meanings in grammar // Principles and methods of semantic researches. M.: Nauka, 1976. P. 180-201.
3. Antimirova V.V. Semantic polyaspectness of the the linguistic term // Bulletin of the Adyge State University. Series «Philology and the Arts». 2009. Issue 3. P. 79-83.
4. The linguistic encyclopaedic dictionary. M.: Sov. Encyclopaedia, 1990. 685 pp.
5. Priyatkina A.F. The Russian language: syntax of the complicated sentence. M.: Vysshaya shkola, 1990. 176 pp.
6. Zakiev M.Z. The Tatar grammar. V. 3. Syntax. Kazan: Tatar Publishing house, 1992. 448 pp.
7. Zainullin M.V. Modality as a functional and semantic category: on the material of the Bashkir language. Saratov: Saratov University Publishing house, 1986. 123 pp.
8. Kovtunova I.I. Poetic syntax. M.: Nauka, 1986. 206 pp.
9. Ganiev F.A. Conversion in the Tatar language. Kazan: Tartar Publishing house, 1985. 112 pp.
10. Kovtunova I.I. The word order in a verse and prose // Syntax and stylistics. M.: Nauka, 1976. P. 43-64.
11. Shigurov V.V. Transient phenomena in the field of parts of speech in synchronous interpretation: a manual. Saransk: Saratov University Publishing house, 1988. 88 pp.
12. Babaitseva V.V., Maksimov L.Yu. The modern Russian language: in 3 vol. P.3. Syntax. Punctuation. M.: Prosveshchenie, 1981. 271 pp.